

A digital illustration of a young woman with long, wavy blonde hair and a serious expression. She is wearing a dark green, textured coat over a dark purple turtleneck. Her hands are clasped together in front of her chest. She stands in a dark, dense forest with tall, thin trees. The lighting is moody, with a strong blue and teal glow emanating from behind her, creating a silhouette effect and highlighting her hair and coat. The overall atmosphere is mysterious and ethereal.

Юлия Лим

ЗАПЕСЬЕ: КНИГА ПЕРВАЯ

Тихая роща

16+

Юлия Лим

Залесье. Книга 1. Тихая роща

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Лим Ю.

Залесье. Книга 1. Тихая роща / Ю. Лим — «ЛитРес: Самиздат», 2017

До жизни в Залесье Тая не знала, кто она на самом деле. Не так давно она была обычной студенткой, стесняющейся признаться в чувствах, а теперь в ее руках судьба сказочных существ. До встречи с Кощеем Тая не знала о любви. До встречи с Ягой у нее никогда не было настоящей соперницы. Тае предстоит спасти свою душу от проклятия и разгадать тайну прошлого. Чем дольше она в Залесье, тем сильнее меняется ее реальность.

© Лим Ю., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

1	5
2	11
3	16
4	21
5	26
6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

1

1

Мама рассказывала, как в детстве я потерялась в лесу. Наверное, она пыталась уберечь меня от кошмаров, но ее слова лишь помогали развиваться моей буйной фантазии. Ужасные сны продолжались, а в старшей школе я узнала, что так работает психика – пытается решить загадку, подброшенную еще много лет назад. Стоило мне закрыть глаза ночью, как снова и снова я возвращалась туда, где нашла кольцо.

Во сне мне всегда холодно. Я чувствую запах болотной тины, потираю предплечья. Дыхание вырывается и становится видимым, как дым из лампы джинна. Среди пожухлых и мокрых листьев в земле поблескивает небольшое круглое украшение. Я подбираю его, оттираю от грязи и рассматриваю на ладони: серебряное кольцо с гравировкой в виде ветви со множеством маленьких листочков. Детали видны так отчетливо, что я не могу представить, сколько времени потратил ювелир на создание такой красоты. Наверху закреплен крошечный рубин. Я смотрю на него, как зачарованная, и не сразу соображаю, что ноги увязли в болотной трясине.

Меня засасывает. Я дергаюсь, пытаюсь схватиться за берег, но он оказывается слишком далеко. Беззвучно открываю рот в попытках позвать маму или подруг, но из глотки не вырывается ни звука. Может, я оглохла или вовсе никогда не слышала. Сомнения острыми иглами вспарывают кожу и добираются до сердца, пронзая его до болезненных судорог.

Болотная жижа оказывается все ближе. Чувствую, как в рот заливается вода, а на язык ложатся кусочки тины. Внутрь заплывает что-то склизкое. Лягушка?.. Потоки воды попадают в уши и меня пронзает холодом.

Я чувствую, как забиваются легкие, и мне становится нечем дышать. Размахиваю руками в поисках спасения, но мутная грязь накрывает меня с головой. Беззвучно кричу, видя, как пузырьки устремляются вверх.

Вот и все: черный экран. Финальные титры.

2

Очнувшись после очередного кошмара, я поняла, что мне *нужно* вернуться в этот чертов лес. Понять, что же произошло со мной в детстве, что из года в год мне снится такая чушь. Из-за чего к моей спине вплотную прилипает не только футболка, но и простыня. Я даже поступила на кафедру общей психологии, чтобы разобраться со своими проблемами.

– Так зачем ты хочешь туда поехать? – спросила мама, когда я своровала у нее из руки зеленое яблоко.

– Нужно завершить образ. Гештальт-психология, – ответила я и откусила яблоко.

– Геш-чего? Какой образ? – мама покачала головой. – Не понять мне твоих терминов. Поступила на коммерцию и хвастается!

Я рассмеялась, поперхнувшись сладковатой после фрукта слюной. Постучав себя кулаком по ключице, добавила:

– Короче: хочу вспомнить, что тогда произошло в лесу. Как я потерялась, как нашла эту штуку, – протянула к маме ладонь – на безымянном пальце красовалось кольцо. За тринадцать лет оно не почернело, не загрязнилось, хоть я и не ухаживала за находкой.

– Тая, не надо заниматься глупостями. Это был страшный день! Мы думали, что никогда больше тебя не увидим. Знаешь, как я перепугалась?!

Я закатила глаза и выкинула огрызок в мусорное ведро. Больше всего на свете мне не хотелось сейчас выслушивать упреки и видеть, как дрожат мамины губы. Что может сделать пятилетний ребенок, потерявшийся в лесу? Конечно же ничего!

– И вообще, мы нашли тебя возле болота! – мама смахнула невидимую слезинку. – А что, если бы ты утонула, Тая?!

– Ну ладно-ладно, – я обняла ее и прижалась щекой к плечу, чтобы помириться. – Не принимай это близко к сердцу. К тому же мне уже не пять лет. Я соображу обойти болото и не подойду к нему близко.

– Обещаешь?..

– Да.

Мама сгребла меня в охапку до хруста костей, поцеловала в обе щеки и теми же теплыми руками выставила за дверь. Так начиналось почти каждое утро: она напоминала мне, что мир несовершенен и вокруг много плохих людей. Я соглашалась с ней, про себя думая, что так недалеко и до паранойи. В конце концов меня спасала Ира, подруга и одноклассница.

Поеживаясь, я шла к автобусной остановке, выбирая на экране смартфона номер Иры. Она ответила после первого звонка:

– Ну, ты где?!

– Уже иду, с мамой заболталась, – выдохнула я, переминаясь с ноги на ногу – джинсы не спасали от осеннего ветра, – ты позвала друзей?

– Да. С нами будут парни! – Ира щёлкнула пальцами. – Кстати, Славка и Дима будут.

Я представила, как Слава бренчит на шестиструнной акустической гитаре около костра: мы сядем так близко друг к другу, чтобы я могла положить голову ему на плечо; поделим один плед на двоих, и я накрою его рукой своей. Глупая улыбка до боли растянула щеки.

– Думаю, я скажу ему. Предложу встретаться, – сказала я подруге. К остановке подъехал шатающийся автобус. Выхлопнув едкий запах, он замер. Двери с шипением раскрылись, и я заскочила внутрь, села на заднее сиденье.

– А не рано? – спросила Ира. – В смысле, ты же его знаешь всего месяц. Понимаю, симпатия и все такое, но может пусть первым признается, а?

– Давай доживем до леса, а там посмотрим, – я кашлянула в кулак, когда на меня посмотрела старушка с тяжёлым взглядом и в сером шерстяном платке, – минут через двадцать буду.

– Эй! – Ира окликнула меня, когда я уже собиралась сбросить звонок. – Кольцо свое сними! А то оно не на те мысли наводит.

Я посмотрела на аккуратный рубин и достала из рюкзака веревку. Сняв кольцо, продела его середину, повесила кулон на шею и завязала. Никто не заметит его под пальто.

3

Мне досталось самое тесное место на заднем сиденье машины. Ира была за рулем, рядом с ней сидел Дима, а я оказалась между Славой и Наташей. Последняя была моей соперницей по интересам чуть ли не с пеленок, но при этом мы умудрялись дружить, а иногда брали перемирие.

– Там же холодно и сыро! Чем мы будем заниматься все это время?! – Наташа накрутила на палец прямой локон и посмотрела на Славу. Она делала это так, чтобы я заметила.

– Поедим, попоем песни, подышим свежим воздухом, – парировала Ира. – Неужели ты не хочешь поесть моего шашлыку?

Я улыбнулась и это не скрылось от зоркого взгляда Наташи.

– Как бы не так! – фыркнула она. – Только я и буду есть твою пережаренную еду.

– Заткнись, – хохотнула Ира, – иначе мне придется заставить тебя извиняться перед моим дипломом.

– Девки, не ссорьтесь. Я не хочу жертвовать обедом из-за ваших глупых срачей, – сказал Дима, посмотрел на Наташу через плечо и добавил: – Не надо на Иру гнать. Она прекрасно готовит.

Удивительно, как менялся его характер рядом с ней: стоило кому-то, пусть даже в шутку, назвать Иру глупой или обозвать плохим поваром, как Дима появлялся рядом и чуть ли не бил себя кулаком в грудь. Я плохо знала людей, окружающих меня, но его чувства были ясны, как день.

– Тая, чего притихла? – спросил Слава.

Я заправила прядь спутанных волос за ухо.

– Прохладно сегодня, – выдала первое, что пришло в голову.

Я часто фантазировала о нашем совместном будущем, но стоило Славе заговорить со мной, как я терялась и превращалась в мямлю. Хотелось постучать себя по голове и признаться ему в чувствах, через «не могу». Но, похоже, я не создана для заигрываний.

– Ничего, у костра погреешься, – Наташа протянула руку – она легла на мои плечи, как если бы подруга решила меня обнять, – и кончиками пальцев дотронулась до шеи Славы. – Слав, а ты что-нибудь новое выучил? Споешь *для меня*?

– Для всех, – ответил он.

Я жала колени. Это всего лишь Наташка, которую при желании можно обыграть.

– Тая, есть предпочтения? – Слава обратился ко мне, склонившись. Я чувствовала его дыхание на своей макушке: смесь арахиса с шоколадом. Никогда не встречала парней-сладкоежек.

– В чем? – я убрала руку Наташи с плеч. Дышать стало легче.

– В музыке. Рок я на акустической не затащу, но пару каверов смогу сыграть.

– Не знаю. Выбери самую любимую песню, – предложила я.

– А я уже список составила, – Наташа пихнула меня локтем в бок. – Славка, давай по нему пойдем, а?

– Ладно.

Пока они разговаривали, я украдкой поглядывала на Славу. Он то и дело закатывал глаза, поджимал губы и старался отвечать как можно короче на длинные речи Наташи. Стоило его взгляду переместиться на меня, как я тут же отводила глаза в сторону. Мне всегда было сложно разбираться в этих оттенках любовной лихорадки.

4

Когда мы прибыли на место, я не спешила выйти из машины. Все вокруг казалось безжизненным, нереальным и пугающим. Деревья, тянущие корявые ветви-пальцы к серому небу. Дорожка из листьев, накрывающая землю.

– Тая, давай живее! – Ира постучала по стеклу, и я вздрогнула, дернувшись. – Хватит аутировать, пора подобрать место.

– Может не будем далеко отходить? Вдруг потеряемся? – я не сразу поняла, что этот подрагивающий голос принадлежит мне.

– Брось, нас пять человек. У всех есть телефоны. В конце концов просто держись Славки, он у нас спец по ориентированию на местности, – подруга похлопала меня по плечу, но легче не стало.

– Чем помочь?

– Займись уже чем-нибудь. Палатку поставь! – Наташка показала язык и вручила мне сумку-холодильник. – Тут контейнеры с едой. Раз уж ты такая бесполезная, то хотя бы в роли носильщика подойдешь!

Пропустив ее слова мимо ушей, я поплелась следом за Славой. На него возложили ответственность найти «идеальное место для тусни» и теперь он разгребал носками кроссовок листву.

– Нам грибы не нужны? – где-то сзади спросил Дима.

– Смотря какие, – ответила Ира, – если это поганки и мухоморы – не рви. Знаю я твою тягу ко всякому...

Я перестала слушать их, когда Слава повернулся ко мне. Его темные глаза забежали по земле.

– Я не могу найти место, – сказал он, – поможешь?

– Если ты не можешь, то и я не смогу, – ответила я, поглядывая через плечо. Наташа все еще торчала у машины.

– Тогда что же нам делать?

– Нам? – я качнула головой и поставила сумку-холодильник на землю. – Как вообще можно выбрать место посреди листьев?

– Без понятия.

Мы с минуту смотрели друг на друга. Тишина стала слишком неловкой. Я чувствовала, как напряжены наши спины, ведь мы оба стояли словно солдаты, вытянувшиеся по струнке.

– Тут, – я указала пальцем на трухлявый пенек, подобрала сумку и потащила ее к нему. – Давай остановимся рядом с этим пнем.

– Мне нравится, – кивнул Слава, – он довольно большой. Можно не раскладывать стол.

– Но скатерть не помешает, – я отряхнула ладони, стараясь избавиться от ощущения грязи, и поняла, что сейчас между нами нет ни грамма стеснения. Я посмотрела на Славу для проверки и не почувствовала ни горящих щек, ни ускоренного сердцебиения. Все шло так...естественно.

– Я хочу тебе кое-что сказать, – добавила я.

– М-м?

– Может это прозвучит глупо, но ты...

– ...Боже, когда этот придурок уже дотащит мангал! – Наташа поставила свою сумку из кожама на пенек и уставилась на нас. – Славка, действуй на него как-нибудь. Это уже ни в какие ворота!

– Что ты хочешь от меня? – он закатил глаза, наклонился и расстегнул молнию на сумке-холодильнике.

Тогда я подумала, что момент безнадежно утерян.

5

Когда мне что-то кажется, я делаю глупые вещи. Вот и сейчас, почувствовав себя пустым местом на фоне живой и шумной Наташи, я попятилась. Развернувшись, зашагала, куда глаза глядят. Плакать мне не хотелось, да и не настолько я расстроилась. Ноги сами несли меня туда, где я давно должна была...нет, *хотела* оказаться.

Ни родители, ни подруги, ни мой психотерапевт понятия не имели, что все тринадцать лет меня преследовала навязчивая мысль: во что бы то ни стало вернуться в лес, найти то самое болото и понять, почему именно там я нашла кольцо.

– Тая, – голос Славы вернул меня к реальности, – ты куда?

Я повернулась, хлестнув себя волосами по лицу.

– Ну...мне надо отойти, – я ткнула большим пальцем через плечо, – хочу кое-что найти.

– Ой, да сказала бы, что в туалет идешь! Что такого? – Наташа покачала головой и хитро улыбнулась, стоя за спиной Славы.

– Да, ты права, – щеки вспыхнули, я развернулась и пошла, шурша листьями.

Вот зачем она так?! Всегда позорит меня перед ним. Соперничество за парня – штука жестокая, но должны же быть правила приличия или дружеская солидарность?

– Если тебя долго не будет, я пойду искать! – донесся мне в спину голос Славы. Я махнула рукой, не оборачиваясь.

Прочь. Прочь от этого позора.

6

И вот, это случилось. Плоха новость – я заблудилась. Хорошая – я нашла болото. Телефон не ловил сеть, а зарядки оставалось чуть меньше двадцати процентов. Я выключила лишние приложения, чтобы сэкономить батарею, но пока я это делала, убавился один процент.

– Проклятье, – я потянулась к веревке на шее и вытащила кольцо. Сжав его в кулаке, я закрыла глаза и сосчитала до десяти.

Психотерапевт советовала мне чаще делать «перерывы»: когда что-то напрягает, я должна медленно дышать, сосредоточиться на счете в уме и закрыть глаза. Эта практика помогала только в том случае, если со мной было кольцо.

– Почему же я нашла тебя здесь? Кто был твоим владельцем? – я разглядывала украшение. Сколько бы раз я не задавала эти вопросы, ответов на них не было.

Убрав кольцо за пазуху, я огляделась. Между деревьями было много места, сквозь полысевшие кроны просматривалось небо. Если меня будут искать на вертолете, они же найдут, верно?..

«Тая...»

В голове прозвучал шепот. Зловещий, похожий на шелест листьев, он оказался моим собственным голосом.

«Тая, прекрати это. Прекрати сейчас же!»

– Что прекратить? – выдохнула я.

Виски сжало так, что перед глазами потемнело. Будто кто-то давил на них с огромной силой. Отлично, еще немного, и моя черепушка расплющится, оставив после себя кровавое месиво в сером пальто. Красные струйки разбегутся по листве, впитываясь в землю, а уже оттуда набегут жуки...

«Уходи немедленно, слышишь? Или лезь в болото, черт бы тебя побрал!»

– Я не знаю, куда идти... – прошептала я.

Это всегда случалось внезапно. Голос говорил со мной, словно я была одержима демонами. Навязчивые мысли не подходили под эту категорию. Я струсила, когда психотерапевт сказала мне навестить психиатра. Боже, подумала я, не хочу провести остаток дней в психушке! И сменила специалиста.

«Ты знаешь, Тая. Ты всегда знаешь, – голос стал мягче. Пытался договориться? – Просто иди в ту сторону».

– Какую?

Вместо ответа моя рука поднялась и указала направление. За болотом лес сгушался, не давая увидеть, что находится за кронами деревьев. Из мрака на меня смотрело несколько пар глаз: белые и без зрачков, они, не моргая, перемещались, похожие на крошечные светящиеся шарики.

Я моргнула и глаза исчезли.

– Там страшно, – сказала я, – и они меня не найдут. Ребята меня не найдут!

«Вот именно, Тая...разве не это – то, что тебе нужно? Ты же искала покоя. Так вот он, ждет за теми деревьями».

Голос говорил правду. Я никогда не была общительной и все попытки притвориться тем, кем я не являюсь, в конечном счете сыграли со мной злую шутку. Слава и Наташка идеально подходят друг другу. А для чего там я, в их кругу беззаботности и веселья? Правильно, я не из их компании. Белая ворона.

Шагнув к темной чаще, я оглянулась. Никого. Никого, кто мог бы крикнуть: постой, больная, куда ты идешь?!

Пришло время, поняла я. Время уйти от рутинной суеты и найти то, что у меня отняли тринадцать лет назад. Звериные глаза возникли в темноте белыми вспышками, следя за мной, но это не остановило меня.

Когда я коснулась земли сапогами, мощные кроны черных деревьев сгустились, как тучи, и меня охватила дрожь. В ветвях завывал ветер, хлеща меня по лицу, но что-то заставляло меня идти все дальше вглубь. *Что-то...или кто-то?*

2

1

Она просыпается от запаха. Незнакомого, раздражающего, *человеческого*. Откинув одеяло, Яга открывает бортик ступы и спускается по двум узким деревянным ступенькам. Она распахивает дверь избушки, вглядывается вдаль. Сквозь туман ничего не видно, но *этот запах...*

Яга берет метлу и возвращается к ступе.

– Только этого нам не хватало, – бормочет она, – забродившая девка. Гнать ее поганой метлой!

Яга хочет уберечь святое место, свой дом, от чужаков. Только те, кому она сама позволит, могут смотреть на ее чудесную избушку.

– Чужакам здесь не место, – бормочет Яга, – не место.

Она хватает ведро с водой и тащит к столу. Ставит его на поверхность так резко, что жидкость выплескивается за края.

– Покажи мне эту девчонку, – требует она, открывает банку и кидает в ведро плесень. Ее споры вздымаются в воздух, а оставшаяся вязкая масса равномерно расплывается по воде.

Из кусочков плесени складывается картина. Яга видит, как Тая идет в лес. Она пересекает черту и оказывается так близка к *той самой развилке*.

– Не бывать этому! – Яга хватается клубок из красных нитей и выходит из избы. – Заклинаю, приведи ко мне эту пропащую девку! – замахнувшись, она швыряет клубок как можно дальше.

Кончик ниток остается у нее в руке. Шар падает на тропинку и укатывается в гущу леса.

– А когда придет, приготовлю из нее суп, – бормочет Яга, посмеиваясь.

Она заходит в избу и дверь за ней со скрипом закрывается.

2

Бабушка часто рассказывала сказки. Про серого волка и Ивана царевича, про Кощея, бабу Ягу и прочих созданий, которых породила фантазия наших предков. Раз за разом я просила ее пересказать эти истории, чтобы вновь насладиться игрой воображения. Когда мне исполнилось десять, бабушка умерла от старости, а моя буйная фантазия расцвела, но совсем не так, как все этого ждали.

«*Не стоит жалеть себя, Тая. Только ты сама виновата в том, что у тебя нет друзей!*» – голос все преследовал меня. – *Да и посмотри на себя! Кому ты нужна такая? Лохудра!»*

– Ну хватит! – я остановилась и сжала руки в кулаки. – Ты должна меня поддерживать. Я и так ушла от друзей только из-за твоей глупой прихоти!

«*Из-за своей!»*»

Шумно выдохнув, я взялась за волосы и дернула их вниз. Кожа на голове неприятно заныла. Чем сильнее я тянула, тем обширнее боль охватывала мою макушку. Когда она стала невыносимой, голос заткнулся, забившись в дальний угол сознания.

– Отлично, Тая, какой из тебя психолог, если ты даже себе помочь не можешь? – я достала из кармана телефон. Пятнадцать процентов зарядки.

В лесу было намного темнее, чем в роще, откуда я пришла, и без фонарика я норовила заблудиться. На душе поселилось странное чувство, похожее на уверенность – если я здесь умру, меня никто не найдет.

– Просто иди обратно, – сказала я себе под нос, – Слава ведь обещал тебя искать, если что-то пойдет не так. А вдруг он наткнется на болото?

Развернувшись на пятках, я прошла по тропинке и вышла к тому же месту, откуда пыталась уйти. Или мне так только казалось?..

Я вышла с развилки, но трюк снова повторился. Пока я бродила кругами, заметно стемнело. Мне пришлось включить фонарик, чтобы не наткнуться на ветки и не выколоть себе глаза.

Где-то в гуще ухнула сова и ее крик тут же подхватило лесное эхо. Поежившись, я похлопала себя по предплечьям.

– Смелее, Тая. Выбери другое направление.

Но что бы я ни делала, дорога вновь приводила меня к развилке. В левом виске больно отозвалось отчаяние. Я пропала? Я останусь здесь на веки вечные? Сможет ли Слава найти меня?

Шесть процентов зарядки и раздражающе-красная иконка батареи.

– Ты была права, мама. Я плохо ориентируюсь в пространстве, – ноги ныли, на пятках открылись мозоли. Я села на землю и уперлась спиной в дерево. Белые огни стали видны отчетливее. – Давайте, съешьте меня. Кем бы вы ни были.

В голове раскатисто зазвучал смех. *Ее смех.*

«И что, так и будешь тут сидеть, как рыба, выброшенная на берег?» – слова Наташи всегда давили на больное место. – *Или ты все же поднимешь свою задницу и попробуешь решить проблему?»*

Как бы мне ни хотелось послать ее к черту, Наташа была права. Тот, кто не пытается, погибает первым. А мне не хотелось замерзнуть насмерть в лесу или быть съеденной.

Вой раздался совсем рядом. Резкий, как пролетающая мимо пуля, и приближающийся. Умножаясь эхом, он нападал на меня со всех сторон.

«Волк? Какой к черту волк?!» – подскочив, я ринулась прочь. Фонарик телефона нещадно выхватывал скрюченные ветви деревьев, похожие на обгоревшие пальцы.

Я врезалась в ствол. Телефон с глухим звуком шлепнулся в листву. Вой за спиной приближался. Вскрикнув, я ринулась напролом, заламывая ветки руками. Они царапали мне кожу рук и лица, цеплялись за пальто и волосы. В последний момент я скинула пальто, и оно осталось висеть в ветвях.

«Только бы задержало!» – я выбежала к обрыву и едва успела затормозить.

Вниз к ручью вел крутой склон, по которому спуститься без увечий мог только самый везучий человек. А я не была везучей.

Задышавшись, я сползала по склону, то и дело поскальзываясь и умоляя лес отпустить меня. Видимо, у него не было души, вопреки всем рассказам бабушки и написанным сказкам.

Вой прекратился, когда я перешла ручей. Сапоги пропустили воду, заморозив пальцы, и я, стуча зубами, вышла на лесную тропинку. Усталость навалилась на плечи, шея ныла, а ноги подкашивались.

«Я умру здесь. Сдохну, как загнанный зверь, – горько усмехнулась собственным мыслям».

Глаза слипались, в голову лезли страшные картины. Что скажет мама, когда ей сообщат, что обнаружили труп ее дочери в лесу? Наверное, она не сразу заплачет. Сначала отдаст распоряжения, что и как делать, закажет мне гроб строго по росту, официальное белое платье. А когда приготовления к похоронам закончатся, она поцелует мой бледный лоб и расплачется в гордом одиночестве. Мама слишком сильная, чтобы показывать свое горе другим.

«Волк отстал, – порадовал меня голос, – шевели батонами!»

В пути я задела что-то ногой. Дрожь прошла от затылка к пяткам – вдруг это спящий хищник? Взгляд скользнул вниз и остановился на красном клубке с нитками.

– Что... – в растерянности я подняла клубок и покрутила его в руках. – Не может быть. Здесь кто-то живет?

В сердце зажглась надежда. Я *выжишу!*

Клубок зашевелился в руке, как копошащиеся в луже черви. Я выронила его, все еще чувствуя это склизкое прикосновение. Он покатился, и я увидела, как наматывается тонкая красная нить на шар. Даже если кто-то тянет его на том конце, это должен быть кто-то живой и с разумом. Правильно?..

Вдохнув поглубже, я выдохнула и поспешила за клубком. Все происходящее казалось дурным сном. Наверное, я просто напилась и уснула на плече Славы. А когда он разбудит меня, ничего этого не будет.

3

Не знаю, сколько прошло времени, но когда я вышла к избушке, тело успело замерзнуть. Клубок закатился на крыльцо и перестал двигаться.

На одном из окон стояла свеча в старом подсвечнике. Двор был заставлен горшками и деревянными ведрами. Рядом с крыльцом в огороде росла капуста.

«Все слишком хорошо, чтобы быть правдой, – сказал голос, – избушка с людьми посреди леса? Здесь никто никогда не жил».

– Мне все равно нужно как-то выбраться отсюда, – буркнула я, подошла ко входу и постучала.

Протяжный скрип податливой двери заставил меня замереть, чтобы не ввалиться внутрь. Уютный тепло-желтый свет лампы, висящей под потолком, дал мне чувство защиты. Я прошла внутрь и закрыла за собой дверь.

– Здравствуйте! – ответа не последовало.

Опустив голову, я увидела коврик с надписью: «костям вход воспрещен».

«Описка» – подумала я, вытирая ноги и постукивая пятками друг о друга, чтобы избавиться от грязи.

В избушке пахло мясом и выпечкой. Желудок скрутило так, что пришлось сжать его руками, лишь бы не опозориться перед хозяевами.

– Проходи-проходи, – сказал приятный женский голос, – свернешь за ширму и мы встретимся.

Поддавшись зову, я пошла по скрипучим деревянным половицам. После грязной мокрой земли звук и ощущение твердой поверхности под ногами приносили мне удовольствие.

– Молодец, что отряхнула их. Иначе я бы разозлилась, – сказала хозяйка, нарезаая морковь и лук. На спине у нее виднелись завязки фартука.

Я вспомнила маму, готовящую вкуснейший суп, и голодные слюни тут же наполнили рот.

– Здравствуйте, извините за беспокойство, – промямлила я, с трудом сглатывая.

Хозяйка избушки повернулась. В ней все было прекрасно: густые, почти черные, волосы, крупные губы, окрашенные темно-вишневой помадой, миндалевидные светло-зеленые глаза. Но мое внимание привлекла не красота женщины, а ее огромная коричневая родинка справа на подбородке.

– Добро пожаловать, – она расплылась в улыбке, – это приют Яги для усталых путников.

– Яги?.. – переспросила я.

– Предпочитаю титул Ягини.

– Как это?

– Ягиня Залесья и правительница лесная, – она двинулась ко мне, чуть переваливаясь с ноги на ногу, но при этом оставаясь женственной. – И та, кто варит суп из непослушных детишек.

– Вы, должно быть, шутите – я нервно хохотнула.

– Как знать, – Ягиня подняла руку и сняла перчатку.

Ее рука была черной, иссохшей и покрытой язвенными наростами. Желудок скрутило от подоспевшей тошноты. Я развернулась, чтобы скорее выбраться из дома и перебороть недуг, но цепкая лапка Ягини легла на мое плечо и до хруста сжала его.

– Негоже вот так убегать, не попробовав хозяйской еды, – хохотнула она.

Я повернулась и исподлобья посмотрела на ее бородавку. Заметив это, Ягиня провела по ней рукой.

– Что? Боишься?

– Нет, – соврала я.

– У всякой красивой женщины есть свой недостаток. Даже у тебя, – она с болезненным нажимом потрепала мои светлые волосы и, сжимая плечо, повела к столу. – У меня есть пироги с овощами и чай. Ты голодна?

Я не сводила взгляда с ее черной руки. Она напоминала конечность давно иссохшей мумии в музее, на которую я однажды смотрела. Тогда забальзамированный труп казался чем-то далеким, а сейчас...

Яга посмотрела на меня и хитро улыбнулась, прищулив глаза. Взяла маленький заварочный чайник и указала на стол. Только сейчас я заметила, что на нем стоят яства в плетеных корзиночках: пирожки, овощи, лесные ягоды. Желудок заурчал.

– Можешь не отвечать, я слышу, что голодна, – Ягиня взяла кружку и наклонила чайник. – Любишь покрепче?

– Не надо. Я и так уже засиделась, – слова давались с трудом, но я не могла злоупотреблять гостеприимством этой странной женщины.

– Из Залесья нет выхода, – сказала она. Я вздрогнула, как от пощечины. – Не бойся, *ночью* нет выхода, – пояснила Ягиня, пододвигая ко мне чашку. – А днем тебе предстоит его найти. Если сможешь, конечно.

Я взяла чашку в руки и прикрыла глаза. Долгожданное тепло приятно грело руки, а травяной аромат нагонял сон.

– Пей, – Ягиня легонько дотронулась пальцами до дна кружки, чтобы поднять ее к моим губам. – Когда остынет, будет невкусно.

– Но если отсюда нет выхода ночью, а днем его трудно найти, – забормотала я, оттягивая первый глоток, – как я смогу вернуться домой?

Ее губы растянулись в ласковой улыбке. Ягиня погладила меня по волосам.

– Отсюда никто не выходит, если я не позволю.

4

Я ставлю чашку на стол. Днище с громким стуком ударяется о поверхность стола. Сонливость стирается, как и мои сомнения.

– Я тебя знаю, – говорю ей, – ты *та самая* Яга.

Она приподнимает бровь.

– И что же ты будешь делать, девка? – Ягиня скалится и ее зубы кажутся желтее, чем раньше.

– Тебя не существует, – отвечаю я, – ты – всего лишь плод моего воображения.

Яга смеется и берет чашку, подносит ее к носу и вдыхает аромат трав.

– Я хотела убить тебя быстро, – говорит она спокойным голосом, направляет прядь моих волос за ухо, – но ты подала мне другую идею.

Ягиня наклоняется, и я слышу, как клацают ее зубы рядом с моим ухом. Дыхание Яги отдает плесенью, смешанной с гнилью.

– Я тебя *выдам замуж*, – шепчет она.

– Что?.. – шарахаюсь в сторону и смотрю на Ягу. Она смеется до кашля и с силой хлопает меня по спине.

– Что слышала. Ты идеально подойдешь *ему*.

– Кому?

– Одному вечно молодому царевичу. Он как раз ищет жену. Пятьсот лет...

Я встаю со стула и качаю головой, пячусь к выходу, не сводя взгляда с Ягини.

– Хочешь уйти? – ее голос звучит расстроено. – Но ты даже не попробовала мой яблочный пирог. Он особенный. Для девок, из которых я варю суп.

В руке Яги появляется яблочный пирог. Из-под румяной корочки вылезают гниющие кусочки фруктов. Они размазываются по поверхности, как след от слизня, и скатываются на пол с едва слышными шлепками.

– Попробуй, – Яга протягивает загнивающий пирог мне.

– Отстань! – кричу я, срываюсь и бегу к двери. Хватаю ручку, дергаю и замираю.

Длинные куриные ноги поднимают избушку вверх. У меня кружится голова от высоты – я боюсь ее, как огня.

– Что за... чертовщина? – бормочу я, сжимая ручку до боли в ладонях.

– Я же сказала, – повторяет Яга, – Отсюда никто не выходит, если *я* не позволю.

5

Я захлопнула дверь и прижалась к ней спиной, словно это могло спасти меня от надвигающейся ведьмы. Ее глаза странно блестели: из зелёных они стали черными и теперь по цвету напоминали панцири майских жуков.

– Отстань! – я схватила метлу и ткнула рукояткой в живот Яги.

Она ахнула, на ее лице застыло недопонимание. Кожа зашелушилась и начала плавно сползать по щекам Ягини, перекатываясь на подбородок и сваливаясь оттуда в ямку между пышным бюстом.

– Девка! – выдохнула она, схватив меня за волосы. Я замахала метлой, неведома сила вырвала ее у меня из рук.

Метла развернулась и больно ужалила прутьями по ладоням.

– *Мои* вещи тебе уж точно не подчинятся! И думать не смей! – Яга рванула меня за волосы и я, не удержавшись, шлёпнулась на пол. – Я думала поступить с тобой по-хорошему, но ты вынудила меня сделать это по-плохому.

Последним, что я запомнила, были рукоятка метлы и острая боль в голове с кружащимися стенами избушки.

3

1

Кошей делает глоток воды из ведра, закрывает глаза и чувствует, как по телу разбегается сила. Он смотрит на наливное яблочко, что вращается по тарелке, и ждет. Ждет, пока Яга вылезет из своей избушки и расскажет ему про очередную жертву.

– Кто на этот раз? – спрашивает Кошей, когда ее лик показывается на дне.

– Особая девка, – отвечает Ягиня, – забродившая.

– Чем же она особенна? – он смотрит ей в глаза, не сводя взгляда и не моргая.

Вот уже пятьсот лет как Кошей – умер и лишился человеческого облика. И только темная магия поддерживает в нем бессмертную жизнь, полную тоски и ожидания. Тоски по ушедшей жизни и ожидания дня, когда он станет царем Тихой рощи, и проклятие падет.

– О, это несложно объяснить, – отвечает Яга. Ее голос звучит с помехами, как в телевизоре. – Она пыталась *сопротивляться*.

Кошей вглядывается в лицо старой знакомой и пытается прочесть ее мысли. Это невозможно, как и всегда, ведь женская голова не место для него.

– Другие тоже сопротивлялись, – говорит Кошей, переворачивает бокал и ставит его на стол, – нет ничего удивительного в том, что они пытаются избавиться от тебя.

Яга морщит нос так, что ее родинка с подбородка на время перелезает на щеку. Едва различимое шипение, словно масло, брошенное на сковородку, раскрывает настоящее отношение Яги к нему.

– Меня так просто не выкинешь, – шипит она, хватая Таю за волосы и подтаскивает к тарелке. – Видишь? С нее будет исчисляться пятая сотня.

Пятая сотня... Кошей думал об этом много столетий. Сначала было волнительно – разбираться с самой первой, – потом стало легче. Настолько, что никто не мог добраться до его души, запрятанной где-то глубоко в сердце. В сердце, которое не билось уже пять веков.

– Лучше бы на ней все закончилось, – говорит Кошей, берет яблоко и переворачивает тарелку.

2

Я стою одна в тумане. Он не вредит мне, но ничего не видно. Сквозь сон слышится голос Ягини.

– Всадники тумана, – говорит она, – они скоро придут за тобой.

– Всадники тумана? – едва размыкая губы, спрашиваю я.

Вместо ответа слышу топот, отдающийся эхом. Цокот копыт становится все ближе. Я пугаюсь и бегу, цепляясь волосами за ветки. Они больно бьют меня по щекам, царапают кожу. Чувствую, как в ногу впиваются твердые куски земли, и кидаю взгляд вниз.

На мне нет обуви, а из одежды только белое платье. Спотыкаюсь и падаю ладонями в лужу. Вижу свое отражение: на спутанных волосах плетеный венок из крапивы. Поднимаюсь, касаясь руками венка, и он обжигает ладони.

– Тая, – загробный шепот достигает моего слуха, и я оборачиваюсь.

На меня несется конь с всадником: синие глаза светятся в тумане, как огоньки в газовой лампе. Черная рука тянется ко мне. Я вскрикиваю и закрываю лицо ладонями.

3

– Тихо-тихо, – послышался успокаивающий шепот. Я увидела Ягу, сидящую на краю кровати.

– Что это за место? – спросила я, набравшись смелости. – Почему вы ударили меня?

– Всего лишь попыталась усмирить буйную гостью, – Ягиня указала рукой в сторону валяющихся на полу кувшинов.

Я поморщилась, не в силах вспомнить, когда они упали. Сжав одеяло, я опустила ноги и поняла, что на мне то самое хлопковое платье из сна. Руки дернулись к голове, но венка из крапивы не было.

– Это сон? – спросила я, глядя на Ягиню. Она повела плечом.

– Кто знает?

– Прошу, – настаивала я, упираясь кулаками в кровать, – скажите.

Ее губы тронула едва заметная улыбка. На мгновение в облике Яги промелькнула красивая женщина. *Добрая* женщина. Она наклонилась ко мне, пригладила прядь у моего виска и шепнула:

– Ты упала, *Тая*. Пора подняться.

– Что это значит?

– Он уже ждет. Мне нужно подготовить тебя к предназначению, – Яга схватила меня за подбородок, с силой надавила на скулы так, что я открыла рот, и влила в него сильно пахнущий отвар.

В ушах зазвенело: звук прошел волной от тихой едва различимой мелодии, словно кто-то ласкал пальцем стакан, до звона разбитого стекла. Перед глазами стемнело, желудок скрутило от страха и горячего напитка.

– Ты сделаешь так, как нужно *мне*. Ты хорошая девочка, *Тая*. А хорошие девочки всегда слушаются меня, – мне запомнилась ее теплая улыбка, когда я отплевывалась отваром, чтобы не задохнуться.

Травы раздражили горло, и я закашлялась. Держась руками за шею, я пыталась попросить воды, но ни язык, ни мозг не слушались меня. Я сжала подушку за уголок и кинула ее в Ягу. Пока она возилась с подушкой, я поднялась на ноги и, пошатываясь, побрела к выходу, опираясь на деревянные стены.

«Воздух...воздух!» – пульсировало в голове.

«*Ты так и сдохнешь здесь, в какой-то стремной избушке!* – голос Наташи разошелся смешливой пульсирующей записью, как из мегафона. – *Тая Зеленова скончалась! Только представь, как об этом напишут в соцсетях?!*»

Пелена застелила глаза. Я резко смахнула слезы рукавом платья и вцепилась в дверь, чувствуя, как подкашиваются ноги.

– *Тая*, – голос Яги застал меня врасплох, и я обернулась.

Она поднесла руку с травами ко рту и дунула на меня.

Сильный аромат сирени, смешанный с запахом лаврового листа, заставил меня поморщиться. Я чихнула три раза, перед глазами потемнело, а тело ослабло, став ватным и чужим. Я почувствовала руки Ягини, подхватывающие меня.

– Ты еще не выслушала мою сказку на ночь... – ее слова были последними перед тем, как я вновь погрузилась в сон.

4

Было четыре брата. Двое старших – Леший и Вурдалак, средний – Берендей, и младший – Кошей. Умирая, царь Залесья позвал сыновей к себе, и велел поделить лес на четыре царства. Он сказал, что каждый должен выбрать себе то место, к которому лежит душа.

Леший выбрал Густую рощу – лес, полный грибов, ягод и цветов. Вурдалак выбрал Болотную рощу – место, куда не ступала нога человека, и место, где водятся только лягушки, да комары. Берендей выбрал Зимнюю рощу – заваленные снегом лесные просторы, да амбары, полные меда. А младший, поразмыслив, выбрал Тихую рощу.

– Почему, – спросил отец, – из всех царств ты выбрал самое крошечное?

Кощей улыбнулся, держа отца за руку, и молвил:

– Потому, отец, что это царство однажды станет сердцем Залесья. И стану я правителем всех четырех царств.

Отец принял решение младшего сына и поддержал его, но другие братья затаили обиду. После смерти родителя собрались они вместе, чтобы обсудить план коварный, полный предательства.

– Я заведу его в Болотную рощу, – молвил Вурдалак, – там он заплутает, застрянет в болоте, да издохнет.

– А я заведу его в Зимнюю рощу, – сказал Берендей, – там Кощей замерзнет и будет украшать мои уголья, став ледяной статуей.

– Не буду я брату родному вред причинять, – сказал Леший, – отец поддержал его выбор, и мы должны поступить так же.

– Не брат ты нам, Леший! – молвили Вурдалак и Берендей.

Махнул на них рукой старший брат и тем же вечером усакал из королевства в Густую рощу.

Сговорились Вурдалак и Берендей, и решили по-очереди устроить Кощею испытания. Первым пробовал Вурдалак: пригласил младшего брата на ужин в Болотную рощу.

– Как подскачешь к развилке, увидишь надписи: направо пойдешь – коня потеряешь, налево пойдешь – сам пропадешь. Но ты не верь и езжай налево. Это я повесил для того, чтобы врагов страшить.

– Ладно, – сказал Кощей, – приеду.

И ехал он три дня и три ночи, пока не прибыл к надписям. Усомнился Кощей в словах брата и поехал направо. Несколько дней плутал младший сын, пока наконец не увидел замок. Подъехав к воротам, Кощей велел стражникам передать брату, что он прибыл.

Вурдалаку ничего не оставалось: он пригласил Кощею в замок и устроил пир на три дня.

– Езжай к нашему брату Берендею, – напутствовал его Вурдалак перед отъездом, – в Зимней роще тоже много диковинок.

– Я видел много диковинок, – отвечал Кощей, – есть ли у брата что-то особенное?

Вурдалак задумался, но его хитрый ум тут же выдал идею.

– Подъедешь к указателям и увидишь надписи: «налево пойдешь – жену найдешь, направо пойдешь – коня потеряешь, прямо пойдешь – сам пропадешь». Езжай налево, там будет красна девица, стройная, как деревце.

– Почему же Берендей до сих пор не нашел себе супружницу? – спросил Кощей, потягивая поводья вороного коня.

– Он присылал мне гонца с письмом, где просил послать тебя к нему в гости. Писал, что хочет самое лучшее отдать младшему брату.

Согласился Кощей и поскакал в Зимнюю рощу. Ехал четыре дня и четыре ночи. Снега в тех краях было так много, что конь проваливался по грудь, а Кощей замерзал. Он уже не чувствовал жизни в своем теле, когда подъехал к указателям.

– Только бы согреться, – едва шевеля губами, сказал Кощей, тронул поводья и пришпорил коня.

Он мчался по левой тропинке, что привела его к избушке на курьих ножках. Вокруг нее зеленела трава, а из-под тающего снега выглядывали подснежники. Кощей слез с коня и постучал в дверь.

– Открой, хозяйюшка,пусти в дом, дай отогреться, да покорми сытно! – взмолился он.

Дверь со скрипом отворилась. В избушке было тихо, а на столе раскинулись яства, каких Кощей никогда не видывал.

– Должно быть, заморские... – решил он, пробрался к очагу и стал греть окоченевшие руки.

– Здравствуй, Кощей, – молвила девица.

Он обернулся и застыл: стройная, как деревце, красавица в аккуратном сарафане, с длинной косой через правое плечо.

– Что хочешь проси, только дай отогреться! – сказал Кощей.

– Возьми меня в жены, – просила девица, – только обязательно отведай мою еду перед отъездом. Ведаю, что путь лежит неблизкий, к брату родному едешь, так передохни, коня своего накорми, да спать ложись.

– Возьму тебя в жены, как только навещу брата! – пообещал Кощей.

Целый день он ел вкусную еду, пил березовый сок, а под вечер спал на теплой перине под пуховым одеялом. На утро Кощей оседлал коня и спросил у красавицы:

– Как твое имя?

– Яга, – улыбаясь, ответила она, – возьми мой оберег, и возвращайся!

Красавица протянула ему амулет на веревке. Кощей надел его на шею, поблагодарил невесту и поскакал в края холодные. Два дня и две ночи добирался он до Зимней рощи, но поднялась буря, и сбила коня с пути.

Плутали они по белым полям, пока не замерзли до смерти. Возрадовались Вурдалак и Берендей, встретились в Болотной роще, чтобы отпраздновать гибель младшего брата, и устроили пир, пригласив всех, кроме Лешего.

На третий день пира в двери постучались. Когда стражники отворили их, зимняя стужа влетела в замок Вурдалака и заморозила всех его приспешников. Смертельно-бледный юноша прошел по ковру, и везде, где он ступал, разбежались морозные узоры.

– Братья родные, вы предали меня, – сказал Кощей, – так поплатитесь же за свои грехи!

Он дунул на них, что было сил, и заморозил Вурдалака и Берендея. Так в Болотной роще воцарилось мертвое молчание.

Кощей же оседлал коня и уехал, позабыв про свое обещание, данное Яге. Из-за него она лишилась своей красоты – стоило Кощей вернуться из мира мертвых, как на подбородке ее появилась огромная родинка, пугающая каждого, кто желал к ней посвататься.

Разозлилась Яга и поехала в Болотную рощу. Там она отогрела братьев Кощея и их слуг, сделала их своими прислужниками, и велела искать способы погубить Кощея раз и навсегда.

Но сколько бы ни искали Вурдалак и Берендей смерть Кощея, никак не могли найти. И задумали они тогда недоброе.

– Мы уже умерли однажды, – сказал Вурдалак, – так давай же попросим у младшего брата прощения и отомстим этой женщине, что сделала нас своими рабами.

– Родная кровь всегда ближе, – согласился Берендей.

Поскакали они в сердце леса – Тихую рощу – и прибыли через семь дней и семь ночей. Шесть дней они стучали в ворота, но двери не отворялись. На седьмой день Кощей сам выехал на коне.

– Как бы вы ни хотели, вы не сможете меня убить, – сказал он.

– Мы приехали не для этого, – молвил Вурдалак, – мы приехали просить прощения.

– Прости нас, Кощей. Мы не ведали, что творим, – добавил Берендей.

Уступив своей гордости, оба брата преклонили колени перед Кошеем.

– Я прощаю вас, братья, – сказал Кощей.

Только они обрадовались, как он молвил:

– Но ни один из вас не пострадал от предательства так, как я. Коли победите мое проклятие, то будем мы снова братьями.

Поднял Кощей руку, нашептал заклинание, и стало братьям больно: у Вурдалака отросли клыки острые, как у летучей мыши, а у Берендея голова поросла густой шерстью, да стала мед-

вежей. Переглянулись они: Вурдалак с красными глазами, а Берендей с желтыми, – и бежали каждый в свою рощу.

С тех пор между Всадниками тумана идут бои за Тихую рощу. И только Леший никогда не участвует в семейных распрах.

5

Кощей подъехал к избушке. Та вытянула курьи ножки, всячески пытаясь избавиться от незваного гостя. Раньше бледный юноша был с ней вежлив, а теперь ей оставалось только скушать по ушедшим временам.

– На колени, – приказал Кощей и избушка повиновалась, присев.

Он прошел по двору, ступая босыми ногами, и трава усыхала под его стопами. Открыв дверь, Кощей зашел внутрь. Его взгляд наткнулся на девушку, лежащую на кровати. Поблизости на тумбе лежал венок из крапивы.

– До обряда еще несколько месяцев, – сказал Кощей, чувствуя присутствие Яги.

Она стояла у него за спиной и мечтала оказаться на месте Таи. Но ее время прошло, и она ничем не могла помочь ни Тихой роще, ни своему царевичу.

– Объяснись, – Кощей обернулся и его белесые глаза, как у старого слепца, уставились на нее.

– Я же сказала, – фыркнула Ягиня, – девка забродившая.

– Зачем позвала меня?

– Ты должен принять мой подарок. Я не всегда бываю такой щедрой, – Яга подошла к нему вплотную и вдохнула запах сырой земли, исходящий от него. – Я сделала тебя живым. Я должна поддерживать в тебе жизнь, в себе энергию, а в лесу – спокойствие.

– Ты не сделала меня живым. Ты лишила меня покоя, – он подошел к ней и приложил ладонь к щеке. Яга почувствовала леденящие душу мурашки, прикрыла глаза, ластясь к его руке.

– Я знала, что когда-нибудь ты сделаешь правильный выбор.

– Я забираю ее. Покой обязательно наступит для Тихой рощи. И для всего леса, – Кощей развернулся и снова посмотрел на спящую девку, словно Яги здесь и не было.

Та стиснула зубы, сжала руки, и уже занесла их для удара, но резкое жжение в бородавке остановило ее.

«Помни, чем пожертвовала ради него. Не стоит бросать все сейчас, когда ты уже так близко!» – Ягиня закрыла глаза, опустила руки и выдохнула.

– Когда-нибудь ты поймешь, *кто* может по-настоящему осчастливить тебя, – сказала она с усмешкой, – но будет уже поздно.

– Мертвых нельзя осчастливить, – ответил Кощей, склонился к кровати и поднял Таю на руки. Он понес ее к выходу из избушки.

– Но их можно *оживить*, – напомнила ему Яга.

– Оживляй кого-нибудь другого, старая ведьма.

4

1

Я чувствую, что меня куда-то несут. Мое тело безвольно свисает в чьих-то руках, а я не могу даже открыть глаза. Фыркание коня, топот копыт, запах сырой земли – все смешалось в один непонятный калейдоскоп из черных квадратов, краснеющих в центре, как при уставших глазах.

– Тпру, – голос незнакомца тихий и словно выверенный для долгих официальных речей, – полегче, Буян.

Конь отвечает фырканием. Я слышу, как его зубы стукаются о трензель.

– Я знаю, что ты проснулась, – говорит незнакомец, – твое дыхание участилось.

Зажимаю глаза плотнее, лишь бы не столкнуться с реальностью. Не хочу знать, кто это. Не хочу знать, что он сделает со мной, когда привезет туда, куда везет. Пусть лучше все останется забвением до того момента, как я сбегу.

– Открой глаза, – голос становится жестче. Я приподнимаю веки и смотрю на него сквозь ресницы.

Видение размывается и все, что я вижу – бледно-голубое пятно вместо лица. Руки незнакомца сжимают мою талию, и я чувствую холод, от которого тело покрывается мурашками. Его дыхание, пахнущее еловыми шишками, обдает мое темечко, и я окончательно продрогла.

– Тебе придется подчиниться, если не хочешь извальяться в грязи, – в подтверждение своих слов незнакомец наступает в лужу, судя по громкому всплеску.

– Что тебе нужно? – спрашиваю его, боясь раскрыть глаза.

– Мне нужно твое *сердце*, – отвечает он.

– Ты демон?

Он не отвечает. Дыхание застывает у меня в глотке, скованное холодом. Ресницы покрывает иней и дышать становится невозможно. Я открываю глаза, тщетно пытаюсь вдохнуть.

2

Кислород поступил в мозг, когда я разглядела своего похитителя. Его бело-голубая кожа напоминала о фильмах с зомби, белесые глаза, будто взятые у престарелого слепца, неподвижно оценивали меня. Поначалу мне показалось, что в его черных волосах запутались ветки, но, приглядевшись, я поняла, что это – корона. Лесная корона.

– Почему не кричишь? – спросил он.

– А почему я должна кричать? – ответила я, не сразу поняв, что это был мой собственный голос.

Его синие губы двинулись. Я ждала улыбку, но она не появилась. Вместо этого незнакомец поставил меня на землю. Щиколотки провалились в вязкую осеннюю грязь. Я перепрыгнула с одной ноги на другую и вышла из лужи на землю. Она показалась мне чуть теплее.

– Ты умрешь. Борись за свою жизнь, – сказал он.

И меня поразило в сердце словно громом посреди ясного неба: я *хочу* умереть. Не из-за странных обстоятельств, не из-за Наташки, флиртующей со Славой и не из-за своей неуверенности. Я прошла сквозь страшную чащу лишь для того, чтобы со временем оказаться грудой костей на иссохшей земле.

Когда умерла бабушка, я не стремилась к смерти. Я улыбалась и спрашивала людей, не хотят ли они узнать, почему меня не было в школе? Но никто не хотел.

Когда я пошла на учебу после похорон, мама дала мне записку с пояснениями для учительницы. Последняя не сказала мне ничего, как и все остальные. А мне *нужно* было чье-то

внимание. Но даже родители не смогли дать мне его, разделить со мной боль утраты. Каждый из нас горевал по-своему. Не было никакой семейной поддержки.

– С твоим разумом что-то не так? Почему стоишь и молчишь? – сквозь пелену размышлений прорвался голос.

Я взглянула в белесые глаза похитителя и его образ нахлобился на другой, смутно знакомый из прошлого. Где же я его видела?..

«Ты шутишь, что ли?! Где ты могла видеть мертвецки-бледного парня, который даже не человек?» – вопил внутренний голос.

– Ты...очень похож на кого-то, – сказала я, чувствуя, как леденеют пальцы на ногах. Руки невольно взметнулись к предплечьям, чтобы растереть их и привнести в тело тепло.

«Твои губы сейчас еще синюшнее, чем у него!» – хихикнула Наташка.

– Земля быстро полнится слухами, – ответил незнакомец, – ты *знаешь*, кто я. Каждая из вас знает, когда приходит сюда.

Он двинулся по дорожке, мощеной крупным закругленным камнем. Некоторые вылетели из тропинки и валялись поблизости, но их тут же задевали копыта Буяна, идущего за хозяином.

Я двинулась следом. Зубы постукивали друг о друга, кожу покалывало маленькими теплыми иглами, – так хотелось согреться. Я шмыгнула носом.

– Кто ты? Что тебе нужно? – не выдержала я, захотев остановиться, но передумала, как только завыл ледяной ветер.

– Лучше тебе не знать. Меньше знаешь – крепче спишь. Разве не так у вас говорят?

– У нас?..

– В двадцать первом веке.

– Н-не з-знаю, – язык перестал слушаться, тело зашлось в дрожи. Дурацкие вопросы незнакомца раздражали меня, но недостаточно сильно, чтобы вернуть утраченное тепло. – Х-холодно.

Незнакомец остановился. Я же продолжала идти, боясь замерзнуть насмерть. Все это походило на дурацкий спектакль или розыгрыш. Мысли о смерти все чаще посещали мою больную голову, но страх смерти все еще нависал надо мной, несмотря на противоречивое желание перестать бороться.

– Я дам тебе чашу горячей сыти, если не убежишь, – сказал он.

Я не смотрела ему в глаза. Все мое внимание было приковано к ногам, пальцы на которых не шевелились, скованные холодом и покрытые слоями грязи с налипшими листьями.

«Если я не вернусь к маме, она будет страдать...» – эта мысль охладила мой пыл. Подняв голову, я кивнула.

– Д-дай ее м-мне, – попросила я.

3

Скрежет поднимающихся ворот неприятно резанул слух.

«Куда я попала на этот раз? Не может же это быть очередным сном после сказок бабушки?»

Исподлбья вглядываясь в мрачные камни стены, я увидела статуи коршунов. Из раскрытого клюва выпадал язык, глаза тарасились и лезли на лоб; их крылья растопырились, а когти на лапах так и норовили ухватиться за мое платье.

– Однажды ты их полюбишь, – сказал незнакомец.

Он прошел за ворота, я поспешила за ним. Перед нами раскинулся огромный замок из серого камня. Низы захватил выюнок, ко входу вела длинная лестница, поросшая травой и мхом. Если бы не было так холодно, я бы залюбовалась этой красотой.

Ворота замка отворились со скрипом. Мы оказались внутри, и я поняла, что рано радовалась: холод, сдерживаемый камнем, был сильнее обычного.

– Если так пойдет и дальше, я слягу с пневмонией, – сказала я.

Незнакомец остановился и обернулся. Мы переглядывались несколько секунд, пока он не сделал шаг в мою сторону. Я инстинктивно отступила назад, чувствуя, как на голове волосы встают дыбом. В мрачном освещении его шуплое телосложение вытягивалось и казалось похожим на непропорциональную тварь из дешевого ужастика. Его бледные глаза на мгновение блеснули ярко-синим, как в том сне...

Незнакомец сделал еще шаг. Я уперлась спиной в стену. Он замахнулся. Я зажмурилась, ожидая удара. Но вместо этого незнакомец отодвинул меня от стены и меня обволокло что-то тяжелое, пыльное и согревающее. Когда я открыла глаза, на моих плечах оказался его плащ.

Без слов он развернулся и пошел к тронному залу. Я выдохнула и облачко пара понеслось вслед за незнакомцем.

«Кто же ты? – думала я, чувствуя, как тело понемногу отогревается. – И почему не пытаешься меня убить?»

4

В просторном зале перед тронном раскинулся длинный прямоугольный стол. Скатерть, покрывавшая его, запылилась, а из пустых золотых бокалов по паутине съезжали пауки. Я протянула палец и один взбежал на него, перебирая многочисленными ножками. На его тельце виднелся красный пугающий крест, но паук не причинил мне вреда и перепрыгнул на гниющее яблоко.

– В моем замке никто не убирается, – сказал незнакомец. – Тебе, как живой, это может прийти не по нраву. Я не буду мешать, если захочешь избавиться от пыли и гнили.

– Ты обещал дать мне горячий напиток, – сказала я, вновь чувствуя губы и язык. Зубы больше не стучали друг о друга, но пальцы на ногах леденели, прикасаясь к каменному полу.

Я присмотрелась и заметила под слоем пыли ковер. Переступила туда. Промерзшие ворсинки впились в стопы и вскоре покалывания разнеслись от пяток до пальцев, возвращая ногам жизнь.

– Не вынуждай меня ждать, – сказал незнакомец. Я вскинула голову и увидела большую деревянную кружку, что парила в воздухе прямо перед моим носом.

Я замерла в нерешительности. Мозг кричал, что сначала я должна согреться и только потом оценивать своего похитителя, замок и тот факт, что здесь кружка летает в воздухе. Но сердце застучало быстрее.

«Магия!» – пронеслось в голове. Мысль пробудила детскую радость. Вопреки разуму улыбка коснулась моих губ.

Я взяла кружку и с жадностью пригубила сыть. Напиток оказался обжигающим, с сильным пряным вкусом. Я закашлялась, чувствуя непривычное першение в горле, но, распробовав сладкий привкус меда, снова заулыбалась.

– Это сделало тебя счастливой? – спросил незнакомец.

– Я снова чувствую тепло, – ответила я, – не хватает только обуви.

Удивительное спокойствие разлилось в груди вместе с напитком. Я заблудилась, меня угрожала съесть сумасшедшая Яга, а после – этот тип похитил меня. Нормальная Я должна кричать и биться в истерике, но сказочная Я... она была счастлива. Может, все это было лишь игрой воображения и на самом деле меня лихорадило, но я твердо знала одно: это *то место*, где я давно хотела оказаться. Место, куда я попадала, когда слушала бабушкины сказки и закрывала глаза.

5

Я отпустила кружку. Она повисла в воздухе на несколько мгновений и поплыла к выходу из тронного зала.

– Пойдем. Я покажу твою комнату, – он повернулся ко мне спиной.

«Чего ты ждешь?! Беги!» – заверещал голос.

Но я пошла следом, как послушный питомец. Ведь если я буду послушной девочкой, потом мне дадут лакомство...

Мы долго шли по коридорам, и я снова начала замерзать. Когда он подошел к нужной двери, она открылась сама, – никто не касался ее ручки.

– Заходи, – сказал незнакомец, – это место – твоя опочивальня.

Я заглянула в проем: просторная, но пустая комната, с кроватью, шкафом и окном. Последнее было забито досками доверху и лишь из небольшой щелки пробивался свет, рисуя узоры из пыли. Я чихнула, стоило мне сделать вдох.

– Я не буду закрывать дверь на ключ, – сказал похититель.

– Почему?

– Ты вольна делать все, что захочешь. До ритуала два месяца. Но если ты покинешь стены этого замка, с тобой могут случиться более страшные вещи.

– Чем что? – спросила я, исподлобья глядя в глаза незнакомца. Чем дольше я смотрела в них, тем больше привыкала. Они уже стали казаться обычными, хотя прошло не больше часа.

– Чем смерть, – ответил он.

6

Незнакомец ушел, а я осталась стоять в комнате. Хватило меня ненадолго: как только ноги снова напомнили о том, что замерзли, я взбила руками одеяло, подушку и забралась на кровать. Грязь сейчас была последним, о чем мне хотелось думать.

От пыли першило в горле, слезились глаза, но и это не останавливало мою фантазию. Кто этот человек? Почему он привел меня в древний замок? И что за ритуал, о котором он упоминал?

Любая на моем месте попыталась бы сбежать. Или же расплакалась бы, свернувшись калачиком под одеялом. Но любопытство не давало мне покоя. Я ворочалась с бока на бок, и как бы ни пыталась зажмуриться и заснуть, все равно поворачивалась и смотрела в дверной проем – незнакомец не закрыл дверь.

«О чем ты думаешь, глупая?» – зашептал голос. – *А как же Слава? Как же твои подруги? Ира, Наташа? А мама? Почему ты лежишь здесь и ничего не делаешь?»*

«Я устала, – поняла я, – устала от прежней жизни. Телефон остался где-то в лесу. Они вызовут МЧС и найдут меня. Нужно просто подождать и воспользоваться возможностью».

«А если не найдут? Порадуешь мать сердечным приступом?» – смешок. – *Жалкое зрелище. Она будет считать тебя ошибкой. Ее самой большой ошибкой!»*

«Заткнись!» – я стиснула голову руками, затем зажала уши, пытаясь унять этот доставучий писк. Но как бы сильно я ни старалась, нельзя убрать голоса из собственной головы.

«Ничтожество. Жалкая пародия на человека. Надеюсь, ты сгниешь здесь, а твоя мать никогда не узнает, что ты бросила ее, променяв на какие-то дебильные замки!»

Я зажмурилась и повертела головой. Этот голос был мне знаком. Он возник еще до того, как умерла бабушка.

Когда мама ругала меня после того, как я потерялась в лесу, голос повторял ее слова раз за разом. *Как ты могла так поступить со мной? А если бы ты утонула? Тебе не стыдно, Тая? Папа не всегда будет защищать тебя! Что молчишь? Нечего сказать? Правильно, ты должна стыдиться. Я чуть инфаркт не подхватила!*

В пять лет я не могла знать, что такое инфаркт, но я понимала, что это что-то очень нехорошее, вредное; что-то, что сделает маме плохо. И тогда я начала бояться. Мне стали сниться кошмары. Мама говорила сгоряча. Она не желала мне мучиться всю жизнь, но мое

детское сознание восприняло это слишком прямо. И я не могла избавиться от чувства вины насовсем.

7

Я просыпаюсь на листьях, оглядываю себя и узнаю пальто.

«Неужели это все было сном?»

Вопрос остается без ответа. Я поднимаюсь, отряхиваюсь и уверенно шагаю к густой роще, в которой мелькали белые шарики-глаза. Сейчас их нет. Я выхожу на тропинку и вспоминаю, что не могла уйти отсюда.

– Должно же быть что-то, что выведет меня? Как тот клубок? – спрашиваю у деревьев.

Мне говорили, что у леса есть голос. Надо только слушать. Я слушала, но лес не отвечал на мои вопросы. Только съедал звук и не возвращал обратно ничего, кроме пустоты.

Злобное жужжание появляется из ниоткуда. Я верчу головой и вижу, как светится экран мобильного, выглядывающий из-под листьев. Наклоняюсь и подбираю телефон. Звонок с неизвестного номера. Стираю ладонью грязь и влагу с экрана, отвожу в сторону зеленую кнопку с трубкой и подношу мобильник к уху:

– Да?

Я слышу тяжелое размеренное дыхание, и чувствую, как холодеет мочка. Телефон пролежал здесь всю ночь. Как и я.

– Кто это? Откуда у вас мой номер?

Сердцебиение усиливается так, что становится трудно дышать. Я чувствую, как замедляется время, и прикладываю свободную руку к груди, чтобы утихомирить разбушевавшееся сердце. Оно вот-вот пробьет грудную клетку и спрячется в моей ладони, кровью размазавшись по ней. В висках пульсирует боль, изо рта вытекает что-то теплое и, стекая по подбородку горячими струйками, пачкает воротник пальто. Из горла вырывается булькающий хрип. На листву выпадает кусок болотной тины, измазанный в красный.

– Зря ты пришла сюда, – шепчет приятный женский голос и из динамика телефона что-то проползает в мое ухо. Оно щекочет его изнутри, а затем приносит жуткую боль, – лучше бы ты *сдохла*.

Я знаю этот голос, но не могу ничего ответить. Я чувствую, как в голове нарастает давление, и что мозг сейчас взорвется. Из последних сил швыряю мобильник. Он ударяется об дерево, разбивается вдребезги и падает на листву.

Я опускаюсь на четвереньки, отплеываясь от крови и тины. Мир перед глазами превращается в мозаику: разваливается и размывается. Делаю последний вдох и падаю.

5

1

Ягиня в ярости. Ну, погоди, думает она, еще придет мое время, и тогда ты на коленях будешь умолять меня спасти Залесье и твою никчемную рощу!

– Не смотри так, – говорит Яга, видя в отражении воды большого черного кота. Его изумрудные глаза сияют даже в темноте. – Все было предрешиено заранее.

– То, что девка пришла сюда, или то, что ты снова осталась в дураках? – спрашивает кот. Его морда скалится в усмешке.

– А ну кыш! – Яга хватается метлу и гоняется за Баюном, избивая его жесткими прутьями.

Он выпрыгивает за порог избышки и оказывается на ветвях мощного дуба, раскинувшегося над логовом Яги.

– Старая карга, только и знаешь, как на других пенять. Неужели у тебя нет никаких планов?

– О чем ты толкуешь, кошачья твоя голова? – Ягиня останавливается и смотрит на Баюна снизу-вверх.

– Пришла веста, – мурлычет он сладким голосом, – а ты и не разглядела.

– Это обычная девка! – отвечает Яга. – Забродившая!

– Это будущая *веста*, – Баюн качает головой, – и она – та, кто может избавить Залесье от проклятия. И спасти твоего суженого.

Ягиня хмурит черные брови, поднимает руку и притрагивается к родинке – напоминанию о том, что когда-то ее предали и не сдержали своего обещания. Жгучая обида затаилась в груди, гадюкой стягивая талию, шею и плечи.

– Я не допущу их брака. Ни за что, – твердит Ягиня.

– Ну и дура, – Баюн склоняет голову и вылизывает переднюю лапку, – только о себе и думаешь. Про тело девушки подумай, мур-р. Ненаглядный твой получит девицу-красавицу. А ты возьми, да и сделай из ее тела сосуд, мр-р.

Ягиня задумывается, но спустя мгновение качает головой.

– Она – смертная. Я не могу пожертвовать своей магией. Да и не думаю я, что девка не издохнет.

– Так что для тебя важнее? – спрашивает Баюн. – Жизнь с милым возлюбленным или существование дряхлой старухой, но с магией?

– Тьфу на тебя! – ругается Яга. – Какая же я старуха? Разве есть седина в моих волосах? Или может мои груди обвисли, перестав держаться в сарафане? Поди прочь, глупый кот!

Она машет метлой и Баюн, утративший интерес к беседе, исчезает среди ветвей.

2

Я долго не могла открыть глаза. Горло жгло так, словно я выпила кипятка.

«Где я? Что происходит?» – я приложила руку ко лбу и тихо застонала. Боль разошлась по всему телу, возвращаясь нудящими судорогами.

Самым тяжелым в кошмарах было очнуться после них. Прийти в себя и не уйти в другой мир. Однажды мама рассказывала, как она не могла привести меня в чувство. Только и видела, что мои широко раскрытые глаза, бегающие туда-сюда, но не замечающие ни ее, ни отца. Тогда родители сильно переругались. Отец предлагал отдать меня на растерзание психиатрам, а мама умоляла его потратиться на полное медицинское обследование у врачей. Позже она рассказывала, что папа просто переживал, и никогда не желал мне жизни в психушке.

Родители и не догадывались, насколько тяжело для меня было видеть их страдающие лица. На шестнадцатый день рождения у нас состоялся «взрослый» разговор. Мама наготовила вкусностей, испекла мой любимый торт, даже дала мне выпить шампанского. Папа был немногословен, но по его тяжелому взгляду из-под нахмуренных бровей было ясно – *что-то* грядет.

– Тая, – мама под села ближе и взяла меня за руку, – мы с папой хотим кое-что спросить у тебя. Кое-что очень личное. Ты сможешь сказать правду? Даже если она будет ужасной и ты все эти годы переживала этот ужас одна?

– О чем ты, мам? – я взглянула на папу, но он лишь пожал плечами. Когда мама начинала взрослые-серьезные разговоры, он предпочитал отмалчиваться до крайней точки.

– Помнишь, как потерялась в лесу?

– Мам, не начинай... – я хотела встать и уйти, но она крепко сжала мою руку. Сжала до боли, заставив меня подчиниться.

– Нет, Тая. Пора уже положить этому конец, – голос мамы звучал сухо и холодно. Впервые я видела ее такой сосредоточенной и раздраженной. Обычно она опекала меня, как птичка своих птенцов: всегда окружала заботой, кормила, защищала от любых неприятностей и даже папе не давала кричать на меня. А тогда ее будто подменили.

– Ладно... – пробормотала я, – спрашивайте.

– Когда ты потерялась в лесу, ты была одна?

– Да.

– Там точно никого не было? Никаких...мужчин?

– Что? Да какие мужчины, мама? Это же был глухой лес рядом с болотом, – она снова сжала мою руку до хруста костей. Я поморщилась. – Мне больно.

– Тая. Для меня это *очень важно*, – сказала мама. – Там мог быть какой-то...грибник, – она поморщилась, но не отвела взгляда, – может, он что-то делал с тобой? Что-то непристойное?

– Папа, скажи ей прекратить, – я искала поддержки, но он покачал головой.

– Я бы тоже хотел знать, если кто-то тебя...домогайся, – сказал он сдержанно.

– Да никто меня не трогал! – взорвалась я. – С чего вы взяли, что там кто-то был?!

– Тогда почему тебя постоянно мучают кошмары, дочка? – спросила мама.

– Не знаю! Может я просто перепугалась тогда! – я освободила руку из маминой хватки и встала. – Если бы вы тогда не ругались из-за какой-то ерунды, я бы и не ушла в лес! Ненавижу ваши ссоры!

Родители удивленно переглянулись.

– Ты...ты помнишь это? – полушепотом спросила мама.

– Еще бы. Я помню *каждую* вашу ссору! Еще с того времени, как лежала в люльке и не могла говорить! – задвинув стул ногой, я сбежала из кухни.

В комнате закрыла дверь на шпингалет и легла на кровать. Как же мне тогда хотелось заснуть и больше *не проснуться*.

3

Но сейчас воспоминания о ссорах не могли мне ничем помочь. Я должна была встать и размять мышцы. Я давно перестала бояться кошмаров и всего того, что в них снится. Обычно это болотная тина, кровь и странные видения. До вчерашнего дня они казались мне бессмысленными, а психотерапевт каждый раз пытался направить меня к психиатру. Я же отказывалась и раз за разом меняла психотерапевтов, пока не нашла общий язык с молодой студенткой. Вернее, она уже закончила университет, и теперь пыталась начать карьеру. И, что удивительно, она *понимала* меня.

Никто из предыдущих специалистов не относился ко мне так же бережно, как она. И вместе мы стали разбирать кошмары на составляющие. Анна объяснила мне, что кровь сим-

волизирует мои страдания, которые я не могу выпустить наружу, а тина – боль и неприятные ощущения, которые появляются сразу же, как только я просыпаюсь.

С осознанием этого жить стало легче. Мы искали причину кошмаров и нашли ее. Тот злосчастный день, когда я потерялась. Что-то произошло, но мозг упорно отказывался показывать мне воспоминания, связанные с прошлым. Может, пытался уберечь меня от страданий. А, может, просто не хотел застревать в том странном и жутком месте. Игра сознания порой бывает куда страшнее, чем реальность или позабытое прошлое.

Нос защипало, а через мгновение я громко чихнула. Эхо разнесло по спальне и коридорам замка мой голос и теперь мне казалось, что это был какой-то неуклюжий бегемот, а не я.

– Стыдобище, – пробормотала я, садясь на кровать, и потягивая пальцы на ногах.

Я разминала икры, когда из коридора послышался голос:

– Ты уже оделась?

Сознание трянуло, как при ударе током: я все еще в плену! Схватив одеяло, я завернулась в него.

– Да. Можно и так сказать.

Незнакомец зашел в комнату и посмотрел на меня.

– Так не пойдет. Тебе стоит выбрать что-то из настоящей одежды. В одном одеяле ты замерзнешь.

Ноги заныли, и я вспомнила, что еще не мылась. Предательская краска выползла на лицо, но при тусклом освещении это вряд ли было заметно.

– А здесь...можно помыться? – тихо спросила я.

– Я позову слуг, – ответил похититель.

– У тебя есть слуги? Вчера я никого не видела.

– Они умеют хорошо прятаться, пока я их не позову.

– Кто же ты? – спросила я, надеясь, что в этот раз получу правдивый ответ.

– Меня зовут Кошей, – его тихий голос, похожий одновременно на шелест сухих листьев и шипение змей, заставил меня вздрогнуть.

Я попятилась и уперлась спиной в шкаф.

«Не может быть! Кошей? Но...»

– Но ты молодой! – вырвалось у меня.

– Это смущает тебя?

– Ну...немного? – я кашлянула, поняв, что пока он мне не угрожает и что я зря опасаюсь его. Но бдительность никогда не бывает лишней. – Ты...в сказках ты – старик, похищающий молодых девушек. И чахнувший над золотом...

– Старик? Злато? – Кошей выглядел удивленным. Или мне показалось?.. – Отчасти сказки правы. Но не во всем.

– Ты бросил Ягу?

Взгляд Кошея замер на мне, и я почувствовала, как холод пробирается от пят до макушки. Он сделал шаг в мою сторону, склонился и заглянул мне в глаза.

– Да, – ответил он.

– Почему?

– Я больше не человек. Мне *не нужны* сердечные муки. А эта женщина... – Кошей распрямился, и я увидела шрам у него под подбородком: аккуратный белый рубец, выделяющийся на голубоватой коже, – она хотела получить то, что давно покинуло меня. Она зашла в мир мертвых и достала оттуда то, что от меня осталось. А осталось только это, – Кошей указал рукой на себя, – брненное тело, неспособное состариться и разложиться. Ты думаешь, что любовь – сильнее всего на земле?

Помешкав, я кивнула.

– Ты ошибаешься. Только бессмертие властно над временем. Любовь же вянет, подобно цветку, когда умирает.

Я вспомнила слова Славы о том, что он пойдет искать меня, и мне стало стыдно.

«Что я здесь делаю? Я должна сделать все, чтобы выбраться из леса, замка и сбежать от этого злодея!»

– Но ты ведь никогда не любил, верно? – спросила я прежде, чем успела сообразить. – Откуда тебе знать, сильнее ли бессмертие?

– У меня было четыреста девяносто девять жен. Они погибли, а я все еще здесь, – ответил Кощей.

Мне показалось, что мой живот скрутило огромной холодной рукой: комок ударил под дых, захотелось в туалет. Невольно я поджала ногу и потерла ей голень другой.

– Ты...ты хочешь, чтобы я была пятисотой?

– Да.

– Но я же...тогда и я умру!

– Возможно.

– Я не хочу умирать! – в груди проснулась ярость. Она, поднявшись из сердца, разошлась по всему телу и пульсировала в висках, заставляя язык произносить слова: – У меня тоже есть жизнь! Родители и друзья! Это *ты* давно должен был сдохнуть.

Разозлившись, я скинула одеяло и ударила Кощея кулаком в челюсть. Она с неприятным хрустом съехала набок. Я замерла, а он, не дрогнув, взялся рукой за подбородок и вправил челюсть обратно.

– Твоя злость понятна, – сказал Кощей. – Злись, пока можешь.

Он щелкнул пальцами и из-за угла вышло два скелета. Один прихрамывал, второй передвигался на руках, не имея ног.

– Отведите ее в баню. Дайте ей полотенце и одежду, – сказал Кощей.

Хромой кланул зубами и этот звук напомнил трение наждачной бумаги. У него отвалились клыки и застучали о каменный пол, как крошечные пульки, выпавшие из игрушечных пистолетов.

Я не знала, как мне реагировать на них. Как обычно говорят: плакать или смеяться?

Безногий подполз к зубам, подобрал их в ладонь костлявыми пальцами и протянул вверх. Хромой поставил клыки на место и скелеты воззрились на меня пустыми глазницами.

– Ступай с ними, – Кощей привел меня в чувство, – они помогут тебе привыкнуть к этому месту.

– Я не собираюсь умирать, – процедила я, – не надейся, что ты сможешь убить и меня.

– Я никого не убиваю, – ответил Кощей и легонько подтолкнул меня в спину. – *Мара* убивает.

Я подобрала одеяло, завернулась в него и поспешила уйти из комнаты, чтобы не задать еще больше вопросов. Если здесь есть Яга, Кощей и ходячие скелеты, то почему не может быть славянской богини?

4

Хромой шел впереди, сзади меня закрывал Безногий. Я чувствовала странный трепет, смешанный со страхом и любопытством. Кем они были при жизни? Почему у него нет ног? Что произошло? Вопросов было больше, чем ответов, но спрашивать я все еще боялась. Неизвестно, как они воспримут мои слова. Да и как ответят, не имея языков?

Мы шли по запустелому двору: тут и там стояли заброшенные лавки, как на рынке; на земле валялось что-то, отдаленно напоминающее сено. В центре площади стоял колодец, в который мне жутко хотелось заглянуть, но я не решилась сунуться туда в сопровождении скелетов.

Гнетущая тишина давила на слух и воображение: а вдруг все это – часть плана Кошечья? Может, скелеты сейчас приведут меня в уборную и именно там я встречу свою смерть? Какой же нелепой она будет... достойной премии Дарвина.

– Хр-рщ... – я вздрогнула, когда скелет указал на дверь в небольшой хижине и постучал по дереву пальцем.

– Я... я сама справлюсь, – буркнула я, спешно заходя внутрь.

На двери был засов, и я выдохнула с облегчением, задвинув его. В середине уборной был прямоугольный разрез с водой. Я подошла к ней и опустила палец в воду. На удивление она оказалась такой теплой, что я заулыбалась. Всегда хочется быть человеком, а не грязным чучелом из леса. И неважно, что мне снится сон или я брежу.

«Помоюсь и сбегу отсюда, – решила я, – Слава меня точно найдет».

«Конечно, найдет. Вот только сдалась ты ему такая? Пропадающая девка, – заскрипел голос в голове. – Парни таких не любят, знаешь ли».

– А каких они любят? – фыркнула я, бросив одеяло на пол и снимая платье.

«Веселых и активных. Как Наташа...»

– Отстань, – я слезла вниз. Я ожидала чего угодно, но только не того, что провалюсь, как в прорубь.

В панике я замахала руками, цепляясь за деревянные края «ванны». Когда мне удалось всплыть, я вдохнула и закашлялась. Вода была слегка соленой, и нос защипало.

– Здесь раньше был колодец, – женский голос напугал меня.

Присмотревшись, я увидела девушку с длинными волосами, закрывающими обнаженный верх. Ее зеленые глаза горели странным, одновременно пугающим и завораживающим огнем.

– Кто ты? – спросила я.

– Русалка, – ответила она и подплыла ближе, – если хочешь, я могу избавить тебя от страданий, – и моих ног коснулось что-то с рыбой чешуей. Хвост?..

– Каких страданий? – я почувствовала, как тело немеет, как язык отказывается шевелиться.

А она все смотрела на меня и улыбалась. Такая красивая и такая жестокая. Ее лицо оказалось мертвенно-бледным, а зубы, что она обнажила, были похожи на клыки пираний.

– От жизни, – ответила русалка, схватила меня за волосы и потащила под воду.

5

Я только успеваю вдохнуть, как оказываюсь в мутно-зеленом пустом пространстве. Вода затекает в уши, глаза щиплет, но я не могу их сомкнуть.

«Врежь этой твари по башке!» – вопит сознание.

А я только прислушиваюсь к учащенному биению собственного сердца и умоляю себя не делать вдох как можно дольше.

Чем ниже мы опускаемся, тем холоднее и темнее становится водоем. Паника нарастает в груди, как снежный ком, и я дергаюсь. Цепкая лапа русалки тащит меня ко дну. Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не завопить от ужаса во всю глотку.

«Помогите, – кричу я в собственных мыслях, – помогите! Я не хочу умирать!»

На глубине зажигаются огни: красные, оранжевые, зеленые. Они сливаются в разноцветный хаос, и я чувствую, что меня тошнит, как после карусели «Цепочка».

– Из тебя получится вкусный обед, – говорит русалка и щиплет меня за бедро, – мне нравится готовить молоденьких девушек...

В легких разгорается огонь: он врывается в глотку и стучится о зубы.

Раз.

Два.

Три: губы открываются. Соленая вода вливается в рот. Я кричу, задыхаясь, а в голове только одна мысль: *«жить! Жить!»*

6

1

Я вижу себя. Совсем маленькую, даже крошечную, гуляющую по лесу вместе с мамой и папой. Я собираю букет из желтеющих листьев и увлекаюсь этим настолько, что отхожу от родителей.

– О чем ты только думала?! – кричит папа. – Твое здоровье и так висит на волоске! Зачем пыталась подорвать его?

– Я хотела, чтобы мы снова поладили! – отвечает мама. – Семья рушится! Как ты можешь делать вид, что ничего не происходит?

Маленькая я зажимаю глаза, сажусь на корточки и считаю до трех. Родители ругаются, а я делаю шаг к зарослям, ведущим к тропинке. Мне не нравится, когда они ссорятся. Я хочу *убежать*.

Ноги приводят меня к огромному кленовому листу. Я еще не встречала таких и с удивлением осматриваю его: красный, с мою голову размером, он завораживает и уносит плохие мысли. Неподалеку я замечаю еще один лист, иду к нему, подбираю и вижу следующий. Так я ухожу в чащу, – туда, где не слышно криков, туда, где тихо и спокойно.

В полной тишине, спрятанная под мощными кронами деревьев, я чувствую невероятную легкость: тело, как пушинку, подгоняет ветер.

– Вот бы и мне улететь отсюда. Обернуться птичкой, – делюсь я сокровенными мыслями с букетом листьев.

Рядом слышится всплеск воды. Я иду туда из любопытства: вдруг увижу лягушек или ужей? Мама не разрешает мне трогать их. Она боится насекомых и всех существ, которые выглядят «противно». Но я – не она, мне *не страшно*.

Выхожу к болоту и вдыхаю неприятный запах тины. Но булькающая вода манит, и я подхожу все ближе к берегу. Ноги наступают на мягкую почву, и подошва сандалий причмокивает каждый раз, когда я делаю шаг.

В воде поблескивает что-то красивое, необычное. Странно, ведь солнце не пробивается через листья деревьев. Я оглядываюсь в поисках взрослых, но не вижу владельца вещицы. И мне *так сильно* хочется взять ее себе, что я встаю на колени, пачкая свою желтую куртку в грязи, и тяну ладонь. Пальцы погружаются в холодную воду, но меня это не останавливает. Я перебираю коленями и подползаю ближе. Почва под моим весом просаживается, но я не замечаю этого, потому что все мое внимание приковано к той блестящей вещице.

2

Ключицу обожгло огнем. Я открыла глаза и опустила голову. Кольцо, висящее на цепочке, раскалилось, оставив на нежной коже след. Оно вытянулось в сторону русалки и полыхнуло вспышкой света. Тварь, завизжав, отпустила меня и унеслась прочь. Кольцо закружилось, создавая воронку, и вскоре меня засосало в нее. В пустом пространстве я смогла сделать вдох и закашлялась. Воды озера тянули меня наверх и вскоре я из последних сил выбралась на пол хижины. Отплёвываясь, я прижималась щекой к доскам и не могла различить, где слезы, а где вода. Легкие сокращались так часто, что я не получала необходимый кислород.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.